Префект Ван не знал всех подробностей, поэтому Чжан Гуй ответил за него:

— Господин Лю сказал, что его слог древний, строгий и чистый, а сам он мастерски преобразует древнюю прозу в экзаменационное сочинение. Он также добавил, что тот непременно сдаст экзамен и станет шэнъюанем...

Чжан Гуй украдкой поднял глаза на Дай Жэня, но обнаружил, что Дай Жэнь уже его не слушает. Он весь погрузился в чтение, выстукивая пальцами ритм по экзаменационному листу и про себя зачитывая строки. Ван Вэнь, опустив голову, молча разглядывал лежавшие на столе работы. Преподаватели и наставники и вовсе боялись дышать, вытянувшись в струнку поодаль.

Лишь спустя долгое время Дай Жэнь отложил работу в сторону, и в проверяльной палате словно снова закипела жизнь. Префект Ван наклонился и спросил:

— Как вы находите этого испытуемого, господин? Достоин ли он?

Дай Жэнь тяжело вздохнул:

— Да не то слово! Отправь его даже в Наньчжили — и там он без труда выдержит испытание. У брата Шангуя отличный глаз.

Чжан Гуй чуть расправил плечи. Дай Жэнь продолжил:

— Хотя тема, предложенная префектом Ваном, была несложной, в этой работе ясно видна его способность глубоко вникать в суть и строго следовать канону. Дайте-ка я посмотрю работы из других комнат, вдруг найдется что-то еще лучше.

Он просмотрел еще четыре сочинения, претендовавших на звание «Цзинкуй».

В них прием «удержания, натягивания и переправы» использовался весьма искусно и заслуживал похвалы. Парные фразы в восьмичленной форме после введения соответствовали всем правилам, цитаты из классиков приводились строго, а слог отличался изяществом — работы действительно были достойными.

Однако по сравнению с сочинением Цуй Се им не хватало цельного, плавного дыхания и строгой, безупречной логики, которые выковываются годами написания эссе от восьмисот слов, курсовых на пять тысяч и дипломных работ на десять тысяч слов. Им не хватало той мощной убедительности, что незаметно затягивает читателя с головой, заставляя принимать чужие мысли за собственные движения души.

Дай Жэнь отложил остальные работы и указал на свиток Цуй Се:

— Эта все же получше. Когда объявите результаты, обнародуйте это сочинение, пусть желающие сравнят.

Ван Вэнь и сам отдавал предпочтение этой работе. Но прежде он правил Цуй Се несколько сочинений, поэтому их связи могли сочесть не совсем безупречными; к тому же префект опасался слухов, будто выделяет юношу ради заискивания перед инспектором. Потому он до сих пор сомневался. Но раз уж Дай Жэнь сам выбрал эту работу, к чему лишние опасения? Что плохого, если он поставит юношу на первое место и сделает аньшоу?

После оглашения списка достаточно вывесить сочинения пяти победителей, и даже если не сдавшие экзамен ученики поднимут шум, его совесть останется чиста.

На следующий день управа вывесила утвержденный список, и Цуй Се снова оказался на самом первом месте. Туншэни из уезда Цяньань гордились его успехом, словно своим собственным, и дружно окружили его, намереваясь устроить празднество. Кое-кто даже выкрикивал пожелания завоевать малую «тройную корону», отчего испытуемые из других уездов испытывали зависть и недовольство. Они проталкивались к вывешенным работам, надеясь найти хоть какую-то помарку и поднять бунт у управских ворот.

Однако им не дали ни пошуметь, ни отпраздновать. Управа решительно вывесила еще одно объявление: инспектор просвещения прибыл в Юнпинскую управу и через три дня устроит проверку всех туншэней управы; всякий, кто перед экзаменом проявит недостойное поведение или станет намеренно учинять беспорядки, будет немедленно лишен права участвовать в юаньши.

Перед самым юаньши старший брат Чжао и еще несколько юных сокурсников крепко вцепились в Цуй Се, желая причаститься к удаче двукратного первого ученика. Пэн Янь и слуги, прибывшие вместе с семьей Чжао, были вытеснены ими так, что им негде было ступить, и им оставалось лишь ходить снаружи и готовить экзаменационные корзины.

Правила юаньши были куда строже, чем на предыдущих двух этапах. Кандидатам разрешалось проносить с собой лишь одну экзаменационную корзину с длинными ручками, в которую укладывали кисти, тушь и немного еды. Все остальное строго запрещалось — даже чернильные камни предоставлялись управой. В день испытания чиновники учебных ведомств управы и уездов сопровождали Дай Жэня во время переклички перед главным залом. Каждого явившегося ученика должен был лично опознать инспектор его уезда, дабы исключить подмену.

Когда Цуй Се, услышав свой номер, вошел в ворота, он ощутил на себе взгляды всех присутствовавших экзаменаторов. В особенности Дай Жэнь пристально осмотрел его с ног до головы несколько раз, словно пытаясь запомнить каждую деталь. Цуй Се даже заподозрил, что какой-нибудь срезавшийся на экзамене туншэн тайком донес на него, обвинив в жульничестве на окружном экзамене, отчего Дай Жэнь и высматривал его с таким усердием. Юноша поспешно уставился в землю, сосредоточился и, не глядя по сторонам, сжимая в руках экзаменационные листы, прошел в свою кабинку.

Лишь когда раздали задания и все его внимание переключилось на тему, он окончательно выбросил из головы пристальный взгляд Дай Жэня.

На первом испытании по обыкновению требовалось написать одно сочинение по Четверокнижию и одно сочинение по Пятикнижию. Тема по Четверокнижию представляла собой составную цитату, выписанную из четвертой главы первой части раздела «Тэн Вэнь-гун» из книги «Мэн-цзы»: «Дикие звери стесняли людей» и «тогда они приближались к диким зверям». Эти две фразы связывались между собой словом «звери», образуя гармоничное составное задание.

Глава, из которой бралась тема, повествовала о мастере аграрной школы Сюй Сине, который сам пахал и ткал себе на пропитание и одежду. Чэнь Сян, учившийся у него, передал слова Сюй Сина Мэн-цзы: мол, правитель Тэн Вэнь-гун зовется мудрым государем, но почему же он забирает зерно у народа для пополнения казны, вместо того чтобы обрабатывать землю и кормиться собственным трудом наравне с простым людом?

Мэн-цзы разъяснил ему принципы управления Поднебесной: люди в Поднебесной делятся на «великих мужей» и «простых людей». «Великие мужи» трудятся и заботятся об управлении

Поднебесной, тогда как «простые люди» занимаются земледелием, ткачеством и ремеслами, дабы содержать «великих мужей», ибо один человек не может исполнять все дела Поднебесной. Во времена Тан Яо Поднебесная пребывала в первозданном хаосе, и совершенномудрые правители беспокоились о жизни народа, не имея времени самостоятельно заниматься пахотой — неужели правители Трех эпох оттого были немудры?

Разумеется, нет! Просто у великих мужей и простых людей разный долг и разные обязанности. Великие мужи заботятся об управлении Поднебесной и просвещении народа, тогда как простые люди, насытившись и одевшись в тепло, постигают мораль, верность и долг, неся службы, дабы прокормить себя и послужить великим мужам. Именно в этом и заключается путь процветания.

И хотя в формулировке темы упоминались лишь люди и дикие звери, в сочинении следовало подчеркнуть мысль о том, что великие мужи пекутся о Поднебесной и защищают простые массы.

Выявив основной смысл и ключевые моменты, надлежало исходить из самих фраз темы, дабы составить вступление.

Первая фраза темы — «Дикие звери стесняли людей» — относилась к временам правления Тан Яо, когда Поднебесная еще находилась в первозданном хаосе, спокойствие в мире не наступило, народ терпел бедствия, а дикие звери нападали на людей. Тан Яо выдвинул Шуня, дабы тот управлял Поднебесной, а Шунь приказал И зажечь леса на горах и изгнать зверей, У же повелел расчистить русла Девяти рек, чтобы устроить Девять областей.

Вторая же фраза — «тогда они приближались к диким зверям» — описывала время, когда Поднебесная утихомирилась, и Хоу-цзи научил народ сеять и собирать урожай. Люди получили пропитание и кров, однако им не хватало просвещения. Совершенномудрый правитель беспокоился, что народ, зная лишь услады и не ведая ритуалов и учения, уподобится диким зверям, а потому назначил Се на должность ситу, дабы тот обучил людей великим правилам человеческих отношений.

Эти две фразы по смыслу не были напрямую связаны между собой, а лишь описывали тяготы жизни древних людей и не отражали первоначального замысла совершенномудрого. Посему при раскрытии этой темы нельзя было заходить с лицевой стороны, объединяя первую и вторую части в единое целое, как он делал на окружном экзамене с темой «Весной проверял посевы и восполнял нехватку, подавая пример удельным князьям». Здесь требовалось применить прием обратного раскрытия — подойти к теме под углом «изгнания диких зверей» и «недопустимости уподобления диким зверям».

Во вступительной части воспрещалось использовать имена людей, названия предметов или событий из цитаты, поэтому само слово «звери» следовало заменить понятием «твари» или «вредные существа». В первоисточнике речь шла не только о зверях, но и о потопе, а значит, обходить тему наводнения стороной не следовало. При написании вступления нужно было объединить потоп и зверей в одну категорию — все то, что угрожает выживанию народа. А раскрывая вторую половину темы под углом «человеку недопустимо приближаться к зверям», надлежало точно так же опереться на понятие «вред», дабы верхняя и нижняя части вступления перекликались и составляли единое целое.

Размышляя об этом, Цуй Се растирал тушь в синекаменном чернильном камне, разданном на экзамене.

Брусок туши то и дело проскальзывал по гладкой поверхности, не давая густого цвета, и лишь после долгих усилий удалось натереть пол-лунки туши. Но на юаньши ради предотвращения шпаргалок всем туншэням раздавали одинаково неудобные, грубо обработанные чернильные камни. Цуй Се, по крайней мере, занимался верховой ездой, стрельбой из лука и боевыми искусствами, и в его руках имелась недюжинная сила. А вот хлипким книжникам, что ни разу не выходили из дома дальше двора, натереть тушь до нужной густоты явно было не под силу.

Мысленно поворчав на эти порядки, он чуть обмакнул кончик кисти в драгоценную тушь и вывел на черновике: «Усмиряющий вред от тварей должен помышлять о вреде, исходящем из сердец людских».

Вступление ценно прежде всего глубиной мысли. Смысл, кроющийся за этими строками, заключался в следующем: если людские сердца лишены просвещения, преисполнены праздности и отвращения к труду, то, даже если совершенномудрый прогонит зверей и умиротворит Поднебесную, народ все равно не сможет жить в мире и покое.

За вступлением следовало развитие темы. Если во вступлении ценилась иносказательность и гармоничная целостность, то развитие требовалось вести четко и стремительно. На этом этапе уже не нужно было искать заменяющие слова для персонажей из оригинала: можно было напрямую использовать слово «звери» и, следуя правилу «при обратном вступлении развитие идет прямо, а при общем вступлении развитие разделяется», подхватить тему «вреда из сердец людских» из вступления, переходя к рассуждениям о том, что звери несут беду, и человеку не подобает самому уподобляться зверям.

«Человек не принадлежит к роду диких зверей; когда звери стесняют человека — это уже внушает тревогу, так как же можно самому приближаться к ним?»

После развития темы требовалось привести «исходную цитату», связывающую рассуждение с предшествующим контекстом оригинала. А предшествующий контекст заключался в словах Мэн-цзы, сказанных Чэнь Сяну перед тем, как поведать о смене совершенномудрых правителей эпохи Тан и Юй: «Есть дела великих мужей, и есть дела простых людей». Великие мужи пекутся о Поднебесной, а простые люди узколобы и ищут лишь собственного покоя. А потому, если заставить великих мужей встать в один ряд с простыми людьми и лишить их подобающего положения, возникнет угроза для всей Поднебесной. Совершенномудрые же правители первозданного хаоса сменяли друг друга лишь затем, чтобы оберегать народ.

http://bllate.org/book/18372/1761332